

УДК 316.34

<http://doi.org/10.5281/zenodo.2278601>

ТРЕВОГИ И ОПАСЕНИЯ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

©*Баринов Д. Н.*, SPIN-код: 9606-7531, д-р филос. наук, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия, novalenso@mail.ru

ANXIETY AND FEARS RUSSIA'S POPULATION IN THE SOCIO-ECONOMIC CRISIS

©*Barinov D.*, SPIN-code: 9606-7531, Dr. habil., Smolensk State University, Smolensk, Russia, novalenso@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации социальных страхов и тревог в современном российском обществе. Анализ опирается на результаты социологических и статистических исследований. Используется метод вторичного анализа данных, сравнительный метод. Данные по изменению конфигурации и уровня тревог и опасений сопоставляются с показателями социально-экономического развития российского общества. Показано, что трансформация тревог и опасений коррелирует с изменениями ситуации в социально-экономической сфере общества. Вместе с тем изменение тревог и опасений россиян определяется не только потребностями и интересами, но и ценностной системой, оказывающей влияние на потребности и интересы. Высокие позиции экономических опасений в рейтинге тревог россиян обусловлены как реальными проблемами в экономике, так и ценностями, и целями материального достатка, высокими, а нередко и завышенными, потребительскими стандартами жизни. Социально-экономическая система российского общества ограничивает возможности достижения россиянами материального благосостояния, что усиливается на фоне социально-экономического кризиса. Ситуация аномии порождает напряженность, которая трансформируется в тревогу и опасения перед экономическими проблемами (рост цен, безработица, бедность, кризис в экономике). В такой ситуации индивиды готовы жертвовать защищенностью в обмен на более высокие заработки в сфере неформальной занятости. Однако в условиях прекаризации занятости возникает замкнутый круг, своеобразная ловушка страха и тревоги. Работник оказывается зависимым от доходов (единственных или дополнительных) в сфере неформальной занятости, что усиливает неопределенность, тревоги и опасения.

Abstract. The article deals with the problem of the transformation of social fears and anxieties in modern Russian society. Analysis based on the results of statistical and sociological studies. The method of secondary data analysis, the comparative method is used. Data on changes in the configuration and level of anxieties and fears are compared with indicators of the socio-economic development of Russian society. The transformation of anxieties and fears corresponds to changes in the situation in the socio-economic sphere of society. At the same time, the change in the anxieties and fears of Russians is determined not only by needs and interests but also by the value system that influences needs and interests. The high positions of economic concerns in the ranking of Russian anxieties are due both to real problems in the economy and to the values and goals of material well-being, high and often inflated consumer standards of living. The socio-economic

system of Russian society limits the possibilities for Russians to achieve material well-being, which is intensified against the background of the socio-economic crisis. The situation of anomie generates tension, which translates into anxiety and fear of economic problems (rising prices, unemployment, poverty, a crisis in the economy). In such a situation, individuals are willing to sacrifice security in exchange for higher earnings in the field of informal employment. However, in conditions of precarization of employment, a vicious circle appears a kind of trap of fear and anxiety. The employee is dependent on income (sole or additional) in the field of informal employment, which increases uncertainty, anxiety and fear.

Ключевые слова: социальные страхи, социальные тревоги, социальное настроение, социальное самочувствие, ценности, прекаризация, аномия, социально-экономический кризис.

Keywords: social fears, social anxiety, social mood, social wellbeing, values, precarisation, anomie, social and economic crisis.

Начавшееся в конце 80-х — начале 90-х гг. XX века реформирование российского общества сопровождалось кардинальными переменами во всех сферах общественной жизни. Изменение объективной общественной ситуации повлияло и на эмоциональную атмосферу общества, сказалось на самочувствии населения страны, пережившего шок, растерянность, беспомощность, страх, тревогу. Распространение разнообразных рисков, превращающихся в реальные опасности, глобальные угрозы (международный терроризм, напряженность в мировой политике и т. д.) побуждают некоторых исследователей говорить о тотальном присутствии страха и тревоги в жизни современного общества. Тревога и страх не только определяют тон общественных настроений, они формируют определенные стратегии поведения, способны, как отмечают ученые, деформировать жизненный мир индивидов (Немировский В. Г. и др.) [14].

В этой связи актуальным представляется исследование изменений репертуара и уровня тревог и опасений россиян на фоне происходящих в современном российском обществе процессов. В качестве эмпирической базы для вторичного анализа динамики тревог и опасений россиян используются результаты социологических исследований ВЦИОМ (до 2003 г) и Аналитического центра Ю. Левады (после 2003 г), опубликованные в печатных и электронных изданиях центра (журнал «Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены», «Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии», сборник «Общественное мнение», сайт исследовательского центра: <https://www.levada.ru>). Основной акцент сделан на результатах измерения социальных проблем, которые вызывают тревогу россиян и которые считаются наиболее острыми. В таком качестве проблемы общества могут рассматриваться как потенциальные опасности. Это соответствует и пониманию социальных тревог и опасений как массовой эмоционально-когнитивной реакции на социальные по своему происхождению и содержанию угрозы.

Первый момент, на который необходимо обратить внимание — это резкие колебания уровня тревоги, вызванные произошедшими в социально-экономической сфере общества внезапными катастрофическими событиями или событиями, которые воспринимаются как катастрофические. Так, в течение 1994–1999 гг. чувство страха постоянно испытывали около 10% опрошенных, а с 2000 г. уменьшалось число россиян, испытывающих страх (7,6%) [8], до 5% в январе 2008 г. [3]. Однако в сентябре 1998 г. 20,2% россиян заявили, что в последние дни испытывали страх, тоску [9]. Этот скачок страха, очевидно, связан с произошедшим в

августе 1998 г. дефолтом, повлекшим резкий рост цен, падение доходов и уровня жизни, создавшим неопределенность в экономической ситуации страны. Также в период экономического кризиса 2009–2010 гг. увеличилось число тех, кто считает, что у окружающих проявился страх, растерянность, и уменьшилось число тех, кто полагает, что окрепла уверенность в завтрашнем дне (Таблица 1).

Таблица 1.
 КАКИЕ ЧУВСТВА ПРОЯВИЛИСЬ, ОКРЕПЛИ У ОКРУЖАЮЩИХ ВАС ЛЮДЕЙ
 ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ? [15, С. 17]

	2006	2008	2009	2010	2011
Растерянность	16	12	22	16	10
Страх	13	9	19	11	8
Уверенность в завтрашнем дне	15	15	7	12	8

Помимо краткосрочных событий, воздействующих на уровень страха и тревоги, можно говорить о длительных тенденциях, связанных с устойчивостью тех или иных социальных угроз. Рост задолженности по заработной плате актуализирует соответствующие опасности и способствуют перемещению опасений по поводу невыплат зарплат, пособий, пенсий на верхние позиции в репертуаре опасений россиян. Чем длительнее в общественной жизни и в поле зрения населения находится та или иная проблема, оцениваемая как потенциальная угроза, тем устойчивее в общественных умонастроениях присутствие тревоги и страха, порожденных этой опасностью. Соответственно, изменение масштабов проблемы приводит и к изменению тревожности. Снижение тревоги происходит на фоне снижения объемов просроченной задолженности по заработной плате и уменьшения числа работников, перед которыми такая задолженность имеется (Таблицы 2–4). Помимо этого, значимость проблема задержки выплаты заработной платы, пособий, пенсий существенно понизилась в рейтинге тревожащих россиян проблем (Таблица 5).

Таблица 2.
 КАКИЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ПРОБЛЕМ НАШЕГО ОБЩЕСТВА ТРЕВОЖАТ ВАС БОЛЬШЕ ВСЕГО,
 И ВЫ СЧИТАЕТЕ ИХ САМЫМИ ОСТРЫМИ? [25] %

	янв. 1999	июл. 2000	июл. 2005	июн. 2008	авг. 2013	авг. 2016
Задержки в выплате заработной платы, пенсий, пособий и т. п.	56,3	19	4	4	3	6

Таблица 3.
 ПРОСРОЧЕННАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ПО ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ РАБОТНИКОВ
 ОРГАНИЗАЦИЙ ОБСЛЕДУЕМЫХ ВИДОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
 (на начало года; миллионов рублей) [18–20]

Год	1999	2000	2005	2008	2013	2016
Всего	77017	43741	14315	2668	1560	3572

Таблица 4.
 ЧИСЛЕННОСТЬ РАБОТНИКОВ, ПЕРЕД КОТОРЫМИ ИМЕЮТ ПРОСРОЧЕННУЮ
 ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ПО ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБСЛЕДУЕМЫХ ВИДОВ
 ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на начало года; тысяч человек) [18–20]

Год	1999	2000	2005	2008	2013	2016
Всего	21702	13195	2375,2	820,8	53,1	65,9

Таблица 5.

КАКИЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ПРОБЛЕМ НАШЕГО ОБЩЕСТВА ТРЕВОЖАТ ВАС БОЛЬШЕ ВСЕГО, И ВЫ СЧИТАЕТЕ ИХ САМЫМИ ОСТРЫМИ? [13, С. 57; 26]

		<i>май 1995</i>	<i>июл. 1998</i>	<i>июл. 2000</i>	<i>июл. 2005</i>	<i>июн. 2008</i>	<i>Авг. 2010</i>	<i>авг. 2013</i>	<i>авг. 2014</i>	<i>авг. 2016</i>	<i>авг. 2017</i>	<i>авг. 2018</i>
Рост цен	%	76,5	40	83	71	82	72	69	71	72	61	72
	ранг	1	6	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Бедность, обнищание большинства населения	%	—	—	—	53	45	51	55	40	47	45	52
	ранг				2	2	2	2	2	2	2	2
Рост безработицы	%	49,6	65	51	39	25	38	36	26	37	33	48
	ранг	3	2	3	3	8	3	4	5	3	3	3
Кризис в экономике, спад производства в промышленности и сельском хозяйстве	%	48,4	57	39	33	29	36	29	28	31	28	30
	ранг	4	3	4	4	5	4	7	4	4	4	6
Резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов	%	32,2	41	38	27	35	29	33	30	26	25	30
	ранг	5	5	5	6	3	8	5	3	5	6	6
Задержки в выплате заработной платы, пенсий, пособий и т.п.	%		67	19	4	4	5	3	4	6	6	7
	ранг		1	9	16	15	20	19	18	14	16	16
Кризис морали, культуры, нравственности	%	26,6	26	26	22	26	28	30	18	16	15	21
	ранг	7	9	7	8	7	9	6	8	7	7	8

Таким образом, очевидно, что изменение условий жизнедеятельности индивидов и групп отражается на уровне тревог и опасений. Однако, если мы посмотрим на изменения тревоги россиян за последние двадцать лет и сопоставим их с показателями социально-экономического развития, то увидим, что не всегда изменение объективной ситуации приводит к изменениям в иерархии проблем, вызывающих беспокойство.

Данные официальной статистики свидетельствуют об тенденции улучшения экономической ситуации в российском обществе по сравнению с 90-ми годами прошлого века. Это уменьшение задолженности по заработной плате, снижение уровня безработицы, увеличение реальных денежных доходов населения, рост заработной платы, рост покупательной способности и т. д. [29]. Этому соответствуют некоторые тенденции в изменении уровня и репертуара тревог и опасений россиян.

Например, с середины 90-х годов по 2010 г. можно констатировать снижение уровня тревоги относительно некоторых проблем общества. В частности, с июля 1994 г. по август 2010 г. снижается доля россиян, выражающих тревогу по поводу роста безработицы с 56,1% до 38%, обеспокоенных кризисом в экономике с 50,7% до 36% [3, С. 4; 18].

Сдвиги в опасениях коррелирует с оценками населения социально–экономического положения страны, а также с прогнозами в отношении будущего. С марта 1995 г. по январь 2008 г. увеличилось количество россиян, которых «вполне устраивает» их собственная жизнь, с 2% до 14%. Одновременно в этот период уменьшилось количество тех, кто не удовлетворен собственной жизнью, с 23% до 7% [3].

Также в это время уменьшилась доля тех, кто оценивал материальное положение своей семьи как «очень плохое». Если в марте 1995 г. таких респондентов было 11%, то в январе 2008 г. уже 5%. Заметно увеличилось число лиц, оценивших материальное положение своей семьи как «хорошее».

В марте 1995 г. таких было 4%, а в январе 2008 г. — 15%. Вместе с тем уменьшилось и количество считающих, что экономическое положение страны «плохое» (с 49% в марте 1995 г. до 18% в январе 2008 г.) и «очень плохое» (с 23% в марте 1995 г. до 2% в январе 2008 г.) [3].

В то же время необходимо отметить, что в рейтинге проблем общества, вызывающих беспокойство, экономические проблемы устойчиво занимают верхние позиции рейтинга наиболее острых и значимых на протяжении длительного времени (Таблица 5).

Данные официальной статистики, бесспорно, не всегда отражают реальное положение дел в экономике и социально–экономической сфере общества, хотя нельзя отрицать того факта, что первое и второе десятилетия после катастрофического периода 90-х годов принесли улучшение экономического положения населения, экономическую и политическую стабильность, что оказало позитивное влияние на общественные умонастроения населения. Но несмотря на это, довольно значительно число россиян воспринимают экономическую ситуацию в России как кризисную.

В нулевые и десятые годы число россиян, выражающих тревогу по поводу кризиса в экономике, спада производства в промышленности и сельском хозяйстве, по сравнению с концом 90-х годов (57% в 1998 году) уменьшилось почти вдвое. Вместе с тем около трети россиян (33% в 2005 году, 29% в 2010 году, 28% в 2014 году, 30% в 2018 году (Таблица 5) отмечали кризис в экономике как тревожащую проблему.

А среди проблем, которые осложняют жизнь, в течение последних 20–30 лет большинство россиян отмечает низкие доходы, нехватку денег, что указывает на остроту экономических проблем (Таблица 6).

Таблица 6.

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ЧТО В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ БОЛЬШЕ ВСЕГО ОСЛОЖНЯЕТ ЖИЗНЬ ВАШЕЙ СЕМЬИ? [26]

	июн.94	дек.98	июл.01	июл.04	июл.07	авг.10	авг.13	авг.16
Низкие доходы, нехватка денег	68	75	71	69	62	60	64	61

С учетом того факта, что кризис культуры, морали, нравственности в течение длительного времени вызывает беспокойство примерно у четверти россиян, и этот показатель меняется незначительно, напрашивается аналогия с пирамидой потребностей А. Маслоу, согласно которой в первую очередь требуется удовлетворения базовые потребности и только потом потребности более высокого порядка (по К. Марксу, сначала нужно есть, пить, одеваться, строить жилище и только потом заниматься наукой, философией, политикой и т.д.). Однако, на наш взгляд, доминирование в рейтинге острых и тревожащих россиян проблем экономического плана связано не только с потребностями, но и с ценностной

системой современного российского общества. Как полагает А. Г. Здравомыслов, потребности трансформируются в интересы, а затем в ценности, которые в свою очередь оказывают обратное влияние на потребности и интересы [7, С. 171].

С начала 90-х годов социологические исследования фиксировали изменения в системе ценностей постсоветского общества, которые связаны с выдвижением на первый план ценностей материального порядка. В частности, В. Э. Бойков отмечал, что в советскую эпоху приоритетными являлись личные качества индивида, в том числе трудолюбие (отмечали 65% респондентов), чувство долга, ответственности (56,5%). В постсоветский период на передний план вышли ценности владения финансовыми ресурсами и доступа к власти. При этом власть рассматривается как инструмент улучшения благосостояния [2].

В исследовании М. Н. Яковлевой [32] отмечается, что у старшего поколения в 2016 году на втором месте (после семьи) стоят хорошие заработки, а ценности богатства, карьеры и власти в 1,5–2 раз важнее для молодежи, чем для старшего поколения. Кроме того, и у молодежи, и у старшего поколения заметно снижение традиционных для русской культуры ценностей (добросовестного отношения к делу; отзывчивости, чуткости к другим людям; честности, принципиальности). Эта тенденция наиболее ярко выражена у молодого поколения, которое ориентируется на богатство любой ценой (36,4%), неограниченную личную свободу (30%).

Значимость для молодежи ценности материального благополучия демонстрируют и другие исследования. Эксперты отмечают, что материальные ценности, карьерный рост являются доминантными у современной молодежи («они хотят красивой жизни и легких денег») [27, С. 52].

В исследовании 2016 г, проведенном Центром научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина), достаток, материальное благополучие, зарабатывание денег ставится молодыми людьми на второе место после семейных ценностей. Молодежь ориентирована на материальные ценности гораздо сильнее старшего поколения. На вопрос «Хотели бы Вы быть богатым человеком?» 71% молодежи (от 18 до 30 лет) дали положительный ответ. Среди людей в возрасте старше 60 лет таких 33% [22].

Возрастание роли материальных ценностей в сознании россиян просматривается по изменениям трудовой этики, произошедшим под влиянием преобразований российского общества в постсоветский период. В условиях рыночной экономики материальные ценности становятся доминирующими не только у молодого поколения, но старшего поколения. По данным А. Л. Темницкого, с 1990 г. в структуре трудовых ценностей рабочих лидирующие позиции занял заработок. В то же время снижалась ценность общения с другими людьми в процессе труда, и совсем для небольшого числа рабочих имела значение реализация в профессиональной деятельности своих способностей [23, С. 148].

Как показывают результаты многолетних региональных социологических исследований, за последние годы среди работающих россиян усиливается тенденция работать столько, сколько платят, выкладываться на работе только при условии соответствующей оплаты. А среди молодых работников (до 29 лет) число тех, кто готов выкладываться не обращая внимания на уровень заработной платы, ниже, чем среди других возрастных групп [31, С. 210–212]. Согласно данным ВЦИОМ, в 2012 г на госслужбе хотели бы работать 35% молодежи. Как отмечают социологи, ведущий мотив выбора именно такой сферы — это высокая зарплата, льготы, соцпакет и стабильность. Характерно при этом, что только для 16% опрошенных служение Родине выступает фактором выбора работы чиновником [30].

В 2017 г лидирующей ценностью российской молодежи также остается доход (15%). Самореализация занимает третье место (8%) [12]. Последний момент является важным с

точки зрения готовности к трудностям и лишениям, связанным с освоением профессии и реализации трудовых обязанностей, и демонстрирует сформировавшуюся еще в 90-е годы XX века тенденцию уменьшения доли людей, готовых жить по так называемой отсроченной мотивации. Доминирующим мотивом становится стремление получить «здесь и сейчас» ощутимый результат своей деятельности, который чаще всего предстает в виде высокого заработка.

Деструктивные процессы в социально-экономической сфере, коммерциализация ценностно-нормативной системы общества, имевшие место в России в 90-е годы, способствовали формированию у населения «ориентации на незанятость», которая была характерна, в том числе и для выпускников вузов и средних специальных учебных заведений.

В силу расхождения уровня притязаний работников и сложившейся системы вознаграждений, ограничений возможности успешного трудоустройства молодежь отдает предпочтение не постоянной работе, а случайным подработкам, которые сочетаются с безработицей. В молодежной среде нежелание иметь работу с низкой зарплатой сопровождается гедонистическими установками («ничего неделание»), преобладанием развлечений, праздности над трудовой деятельностью, желанием иметь легкую работу, иметь высокий в материальном отношении уровень жизни, который был бы обеспечен минимумом усилий, в том числе трудовых [5; 6]. При этом потребность в материальных благах, в частности, в заработной плате не соответствует объективному положению дел на рынке. Различия в притязаниях по заработной плате и ее реальным (средним размером) может достигать 5–6 раз. Так, молодежь Самарской области в 2002 г. хотела бы иметь заработную плату в среднем порядка 12 тыс руб., тогда как средняя заработная плата по Самарской области в это время составляла 2214 руб. Как подчеркивают исследователи, «достаточный» для молодежи заработок превышал на момент исследования средний по области в пять с лишним раз. При этом источник завышенных притязаний кроется не в отсутствии у молодежи знаний об оплате труда — у тех молодых людей, чей доход на одного члена семьи составил в среднем 2131 руб., притязания, хотя и немного меньше (10908 руб.), тем не менее, также превосходят среднедушевой доход в пять с лишним раз [10].

Опросы молодежи, проведенные в 2017–2018 гг. в Приморском крае, показывают такое же расхождение между притязаниями и реальностью. Около 80% опрошенных студентов хотели бы получать заработную плату после окончания вуза в размере более 30 тысяч рублей, около четверти опрошенных — более 60 тысяч рублей. Однако, как и в Самарской области в 2002 г, в Приморском крае в 2018 г средняя заработная плата (ниже 23 тыс руб.) не соответствовала запросам молодежи [11].

Как подчеркивают Н. Е. Тихонова и А. В. Каравай [24], начавшийся в 2014 г кризис усилил тенденции эксплуатации работников, давления на рядовых работников со стороны работодателей, привел к росту несоблюдения трудовых прав рядовых работников, их незащищенности, что укрепило разрыв и отчужденность между наемным работником и работодателем. Одним из следствий экономического кризиса 2014–2016 гг. стало увеличение под предлогом кризиса трудовых нагрузок россиян, что не привело к росту их доходов.

Поиск источников дополнительного дохода вовлекает работников в различные формы нестандартной занятости, в том числе неустойчивой и неформальной. По данным социологического исследования Центра социально-политического мониторинга ИОН РАНХиГС (май 2016 г.) в теневой рынок труда вовлечены 39,0% от общего числа работников, занятых наемным трудом. И для большинства работников, занятых в «теневом» рынке труда (65,8%) мотивы участия в нем связаны с возможностью увеличить доход, с возможностью

совмещать несколько работ (43,3%) [16]. Последний мотив также предполагает увеличение дохода.

Индивиды оказываются втянутыми в процессы прекаризации. О. И. Шкаратан, В. В. Карачаровский, Е. Н. Гасюкова отмечают, что почти треть работающих россиян (27%) относятся к зоне риска попадания в прекариат. Причем эта зона риска распространяется и на группы с высоким благосостоянием, уровень опасений потери работы у которых выше, чем в низкодоходных [28]. Последний момент важен с точки зрения роли ценностной системы в возникновении тревог и опасений. Страх потери работы у групп с высоким уровне достатка может быть обусловлен более высоким уровнем притязаний и потребительских стандартов.

Как отмечается в исследованиях экономистов, в современном российском обществе в условиях социально-экономического кризиса, начавшегося в 2014 г., сложился целый комплекс предпосылок для прекаризации труда. Это снижение заработной платы и реальных доходов, рост безработицы и неформальной занятости, снижение численности штатных работников организаций, рост неполной занятости работников организаций [1].

В то же время, по мнению Н. Е. Тихоновой и А. В. Каравай, кризис 2014–2016 гг. с точки зрения занятости является не столько экономическим, сколько «бюджетным кризисом и кризисом потребления» [24, с. 15]. Это означает, что ценность материального благосостояния, высокие потребительские стандарты входят в противоречие с возможностями их достижения в условиях роста цен, увеличения трудовых затрат, усиления эксплуатации и отсутствия роста доходов. Россияне оказываются в ситуации аномии. В российском обществе культивируются цели материального достатка, высокий уровень жизни, но большинство в рамках трудовой деятельности не имеет легальных способов достижения этих целей. Можно говорить о том, что аномия создает напряжение, которое канализируется в тревогу и опасения перед экономическими проблемами. Отсюда появляется названная тенденция — ничегонеделание, расширение нестандартной занятости, к разновидностям которой относят занятость неформальную.

В состоянии опасения потерять работу, а вместе с ней лишиться статуса, переместиться вниз в социальной иерархии, утратить ресурс для достижения желаемых потребительских стандартов индивид вынужден соглашаться на ущемление своих прав, отсутствие гарантий и социальных обязательств по отношению к нему со стороны работодателя. Прекаризация может рассматриваться как вынужденная мера, способствующая хоть какой-то защите экономических интересов. Любой дополнительный доход, например, от вторичной занятости, в том числе и в рамках теневого рынка труда, призван защитить от опасности потерять работу. Однако, как отмечают Голенкова З. Т. и Голиусова Ю. В., прекаризация лишь усиливает эмоциональную нестабильность, порожденную неопределенностью неформализованных трудовых отношений [4]. Работающий индивид оказывается в ловушке своих страхов и тревог. В стремлении обезопасить себя от потери работы и дохода работник оказывается в зависимости от альтернативных источников заработка. А деформализация трудовых отношений порождает неопределенность, страх и тревогу.

Таким образом, изменение тревог и опасений россиян определяется не только потребностями и интересами, объективными условиями жизнедеятельности индивидов и групп, но и ценностной системой, оказывающей влияние на потребности и интересы. Высокие позиции экономических опасений в рейтинге тревог россиян обусловлены как реальными проблемами в экономике, так и ценностями и целями материального достатка, высокими, а нередко и завышенными, потребительскими стандартами жизни. Социально-экономическая система российского общества ограничивает возможности достижения россиянами материального благосостояния, что усиливается на фоне социально-

экономического кризиса. Ситуация аномии порождает напряженность, которая трансформируется в тревогу и опасения перед экономическими проблемами (рост цен, безработица, бедность, кризис в экономике). В такой ситуации индивиды готовы жертвовать защищенностью в обмен на более высокие заработки в сфере неформальной занятости. Однако в условиях прекаризации занятости возникает замкнутый круг, своеобразная ловушка страха и тревоги. Работник оказывается зависимым от доходов (единственных или дополнительных) в сфере неформальной занятости, что усиливает неопределенность, тревоги и опасения.

Список литературы:

1. Багирова А. П., Ильвес Э. В. Параметры состояния социально-трудовой сферы общества как индикаторы роста прекаризации труда // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. №12. С. 85-93.
2. Бойков В. Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации // Социологические исследования. 2010. №6. С. 27-34.
3. Информация: результаты опросов // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. №3 (95). С. 76-115.
4. Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Новые социальные группы в современных страфикационных системах глобального общества // Социологическая наука и практика. 2013. №3. С. 005-015.
5. Жидкова Е. М. Ориентация на незанятость среди проблемных групп рынка труда // Социологические исследования. 2005. №3. С. 52-62.
6. Голенкова З. Т. Модернизация социальной структуры российского общества. М.: Институт социологии РАН, 2008. 287 с.
7. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.
8. Дискин И. Модернизация российского общества и социальный капитал // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2003. №6. С. 14-21.
9. Информация: результаты опросов // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2001. №3 (53). С. 3-6
10. Магун В. С., Энговатов М. В. Структура и межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985-2001 гг. // Вестник общественного мнения. данные. анализ. дискуссии, 2004. 4 (72). С. 70-82
11. Мартышенко С. Н. Анализ факторов, влияющих на социальное самочувствие студенческой молодежи в Приморском крае // Социодинамика. 2018. №11. С. 59-71.
12. Молодежь и политика: точки соприкосновения. Пресс-выпуск №3378 от 22.05.2017. Режим доступа: <https://goo.gl/tt3GaU> (дата обращения 20.09.2018).
13. Мониторинг перемен: основные тенденции анализ результатов опросов // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 1995. №4. С. 3-6.
14. Немировский В. Г., Немировская А. В., Булатова Т. А. Страх как фактор социокультурных деформаций жизненного мира россиян // Вестник Института социологии. 2018. №24. С. 95-114.
15. Общественное мнение - 2017. М., Левада-центр, 2017. Режим доступа: <https://goo.gl/i74Q54> (дата обращения 20.09.2018).
16. Покида А. Н. «Теневой» рынок труда: состояние и особенности формирования. Режим доступа: <https://goo.gl/bTHG3f> (дата обращения 20.09.2018).

17. Рост цен и бедность - главные проблемы россиян // Левада-центр. Режим доступа: <https://goo.gl/QzCd7a> (дата обращения 20.09.2018).
18. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003. Стат.сб. / Госкомстат России. М., 2003. С. 121.
19. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2008. Стат.сб. / Госкомстат России. М., 2008. С. 114.
20. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017. Стат.сб. / Госкомстат России. М., 2017. С. 104.
21. Страх терактов Режим доступа: <https://goo.gl/onHXfj> (дата обращения 20.09.2018).
22. Сулакшин С. С., Захаренко (Хвьяля-Олинтер) Н. А. Система ценностей российской молодежи: экспертная оценка. Режим доступа: <https://goo.gl/4kZMZm> (дата обращения 20.09.2018).
23. Темницкий А. Л. Традиции и инновации в трудовой культуре российских рабочих // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М.: РОССПЭН, 2008.
24. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Влияние экономического кризиса 2014-2016 годов на занятость россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017 №2 С. 1-17.
25. Тревожащие проблемы Режим доступа: <https://goo.gl/Z11YT9> (дата обращения 20.09.2018).
26. Трудности Режим доступа: <https://goo.gl/5xoGRJ> (дата обращения 20.09.2018).
27. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования. М.: Издательский дом ГУУ, 2017. С. 52.
28. Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994-2013) // Экономическая социология. 2015. №12 (380). С. 99-110.
29. Экономическая активность населения России. 2002: Стат. Сб. Госкомстат России. М., 2002.
30. Я б в госслужащие пошел, или госслужба: кого и чем она привлекает? Пресс-выпуск №2025 от 22.05.2012. Режим доступа: <https://goo.gl/WvKZDP> (дата обращения 20.09.2018).
31. Яковлева М. Н. Отношение к труду как фактор развития человеческого потенциала // Развитие человеческого потенциала как условие и фактор модернизации России и ее регионов: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 19-20 ноября 2015 г.). Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2015. С. 210-213.
32. Яковлева М. Н. Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // Смыслы жизни российской интеллигенции. М.: РГГУ, 2018. С. 212-219.

References:

1. Bagirova, A. P, & Il'ves, E. V. (2016). Aspects of the social and labor sphere of society as labor precarization growth indicators. *National Interests: Priorities and Security*, (12). 85-93.
2. Boikov, V. E. (2010). Socio-political value orientations of Russians: contents and eventual realization. *Sociological studies*, (6). 27-34.
3. Information: poll results (2008). *Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions*, (3 (95)). 76-115
4. Golenkova, Z. T., & Goliusova, Yu. V. (2013). New Social Groups in Modern Stratification Systems of Global Society. *Sociological Science and Social Practice*, (3). 5-14.

5. Zhidkova, E. M. (2005). Looking for unemployment among problematic groups at the labor market Karelina M. V. Regional unions in the social dialogue. *Sociological studies*, (3). 52-62.
6. Golenkova, Z. T. (2008). Modernizatsiya sotsial'noi struktury rossiiskogo obshchestva. Moscow. Institut sotsiologii RAN, 287.
7. Zdravomyslov, A. G. (1986). Potrebnosti. Interesy. Tsennosti. Moscow.
8. Diskin, I. (2003). Modernization of the Russian society and social. *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (6). 14-21.
9. Monitoring of change: principal trends analysis. (2001). *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3 (53). 3-6.
10. Magun, V., & Engovatov, M. (2004). The structure and intergenerational dynamics of youth life aspirations and resource strategies in Russia and Ukraine: 1985-2001. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannie. Analiz, Diskussii*, 4 (72). 70-82.
11. Martysenko, S. N. (2018). Analysis of the factors that affect social wellbeing of student youth in Primorsky Krai. *Социодинамика. Sociodynamics*, (11). 59-71.
12. Molodezh' i politika: tochki soprikosnoveniya. Press-vypusk №3378 ot 22.05.2017. Rezhim dostupa: <https://goo.gl/tt3GaU> (data obrashcheniya 20.09.2018).
13. Change Monitoring: Main Trends Analysis of Survey Results. (1995). *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (4). 3-6.
14. Nemirovsky, V. G., Nemirovskaya, A. V., & Bulatova, T. A. (2018). Fear as a factor in the social and cultural deformations of Russians' life world. *Bulletin of the Institute of Sociology*, (24). 95-114.
15. Obshchestvennoe mnenie - 2017. Moscow, Levada-tsentr, 2017. Rezhim dostupa: <https://goo.gl/i74Q54> (data obrashcheniya 20.09.2018).
16. Pokida, A. N. «Tenevoi» rynok truda: sostoyanie i osobennosti formirovaniya. Rezhim dostupa: <https://goo.gl/bTHG3f> (data obrashcheniya 20.09.2018).
17. Rost tsen i bednost' - glavnye problemy rossiyan // Levada-tsentr. Rezhim dostupa: <https://goo.gl/QzCd7a> (data obrashcheniya 20.09.2018).
18. Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii. 2003. Stat.sb. / Goskomstat Rossii. Moscow, 2003. S. 121.
19. Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii. 2008. Stat.sb. / Goskomstat Rossii. Moscow, 2008. S. 114.
20. Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii. 2017. Stat.sb. / Goskomstat Rossii. Moscow, 2017. S. 104.
21. Strakh teraktov Rezhim dostupa: <https://goo.gl/onHXfj> (data obrashcheniya 20.09.2018).
22. Sulakshin, S. S., & Zakharenko, (Khvylya-Olinter), N. A. The value system of the Russian youth: an expert assessment. Rezhim dostupa: <https://goo.gl/4kZMZm> (data obrashcheniya 20.09.2018).
23. Temnitskii, A. L. (2008). Traditsii i innovatsii v trudovoi kul'ture rossiiskikh rabochikh // Traditsii i innovatsii v sovremennoi Rossii. Sotsiologicheskii analiz vzaimodeistviya i dinamiki. Moscow. ROSSPEN.
24. Tikhonova, N., & Karavay, A. (2017). Influence of the economic crisis of 2014-2016 on employment of Russians. *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (2). 1-17.
25. Trevozhashchie problemy Rezhim dostupa: <https://goo.gl/Z11YT9> (data obrashcheniya 20.09.2018).
26. Trudnosti Rezhim dostupa: <https://goo.gl/5xoGRJ> (data obrashcheniya 20.09.2018).

27. Tsennostnye orientatsii rossiiskoi molodezhi i realizatsiya gosudarstvennoi molodezhnoi politiki: rezul'taty issledovaniya. (2017). Moscow. Izdatel'skii dom GUU, 52.

28. Shkaratan, O. I., Karacharovskiy, V. V., & Gasiukova, E. N. (2015). Precariat: theory and empirical analysis (polls in Russia, 1994-2013 data). *Economic sociology*, (12 (380)). 99-110.

29. Ekonomicheskaya aktivnost' naseleniya Rossii. 2002: Stat. Sb. Goskomstat Rossii. Moscow.

30. Ya b v gossluzhashchie poshel, ili gossluzhba: kogo i chem ona privlekaet? Press-vypusk N2025 ot 22.05.2012. Rezhim dostupa: <https://goo.gl/WvKZDP> (data obrashcheniya 20.09.2018).

31. Yakovleva, M. N. (2015). Otnoshenie k trudu kak faktor razvitiya chelovecheskogo potentsiala. In *Razvitie chelovecheskogo potentsiala kak uslovie i faktor modernizatsii Rossii i ee regionov*. Ufa: 210-213.

32. Yakovleva, M. N. (2018). The Dynamics of Value Orientations of Modern Youth. Sense of Life of the Russian Intellectuals. Moscow. RGGU, 212-219.

*Работа поступила
в редакцию 25.11.2018 г.*

*Принята к публикации
29.11.2018 г.*

Ссылка для цитирования:

Баринов Д. Н. Тревоги и опасения россиян в условиях социально-экономического кризиса // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. №12. С. 541-552. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/12-07> (дата обращения 15.12.2018).

Cite as (APA):

Barinov, D. (2018). Anxiety and fears Russia's population in the socio-economic crisis. *Bulletin of Science and Practice*, 4(12), 541-552. (in Russian).